

УДК 332.01 + 332.1

*В.В. Матвеев***ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИСТЕМ
КАК РЕЗУЛЬТАТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ**

Статья посвящена рассмотрению стратегически важной для развития регионов и территорий проблеме: пространственной локализации производственных систем. Это очень важно по той причине, что эффективное и поступательное развитие национальной экономики невозможно, если социально-экономическая ситуация в регионах не соответствует современным требованиям конкурентной экономики. Для современной России характерны огромные различия в уровне развития между регионами-лидерами и регионами-аутсайдерами. Следует отметить, что понятия «экономика региона» и «пространственная локализация» не являются тождественными. Это объясняется тем, что в одном регионе могут располагаться несколько пространственных локализаций. Данная проблема достаточно давно интересует учёных-экономистов. Однако никакой единой точки зрения о содержании понятия «пространственная локализация» не существует. Достаточно часто авторы однообразно трактуют понятия «пространственная экономика» и «пространственная локализация». Как часто случается в общественных науках, существует множество трактовок этих понятий. Так, имеет место пятнадцать различных трактовок понятия «пространственная экономика», одно из которых принадлежит лауреату Нобелевской премии по экономике Полу Кругману, что подтверждает актуальность данной тематики научных исследований. Авторы обосновывают собственное определение понятия «пространственная локализация». Доказывается, что это система размещения производств как результат прошлого социально-экономического, политического и институционального развития территории, определяющая возможные перспективы её изменения в будущем. В качестве примера рассмотрено развитие Удмуртской Республики, экономика которой – типичный пример пространственной локализации промышленных территорий Урала.

Ключевые слова: экономика, регион, территория, пространственная экономика, пространственная локализация, производственная система, политика, институты, акторы экономических и политических процессов.

DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-2-237-244

Не является секретом, что абсолютно для всех стран в число стратегических проблем, которые требуют постоянного внимания и оперативного реагирования, относятся вопросы их территориального развития. Данное положение особенно важно для стран с большой площадью и широким многообразием разнокачественных по уровню своего развития территорий: США, Канада, Австралия, Бразилия, Германия и, конечно, Россия.

Современная Россия характеризуется наличием принципиально различных по своему уровню развития регионов. Так, эксперты РИА Рейтинг по заказу РИА Новости подготовили очередной рейтинг регионов по доходам населения. Базовый показатель – отношение медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг.

Согласно данным рейтинга, лидерами (без учёта нефтедобывающих регионов и регионов Крайнего Севера) в минувшем 2021-м г. были: Москва – 2,39; Санкт-Петербург – 2,01; Московская область – 1,97. Аутсайдеры: Республика Ингушетия – 1,02; Республика Алтай – 1,0; Республика Тува – 0,95. Удмуртская Республика в этом рейтинге занимает 53-е место из 82 регионов с показателем 1,38 [1].

По сравнению с 2020-м г. произошли минимальные изменения: Москва – 2,40; Московская область – 2,08; Санкт-Петербург – 2,01. Аутсайдеры: Республика Калмыкия – 1,02; Республика Алтай – 1,01; Республика Тува – 0,97. Удмуртская Республика находилась на 56-м месте с показателем 1,41 [2].

Таким образом, проблемы пространственного социально-экономического развития служат эффективным индикатором реального положения вещей в национальной экономике. Наличие территориальных проблем и необходимость их решения в значительной степени предопределяет возможные перспективы развития ситуации на любой территории.

Именно этими причинами можно объяснить принятие в феврале 2019 г. «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (далее – Стратегия).

В Стратегии в качестве основных проблем пространственного развития Российской Федерации названы:

- высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства;
- недостаточное количество центров экономического роста для обеспечения ускорения экономического роста;
- значительное отставание по ключевым социально-экономическим показателям от среднероссийского уровня части субъектов Российской Федерации, имеющих геостратегическое значение [3].

Объективная необходимость принятия данной Стратегии была осознана достаточно давно. Это объясняется тем, что пространственные изменения, которые случились в России в течение 90-х годов XX века и в первые десять лет следующего столетия, во многом носили хаотичный характер, когда принятие решений преследовало цель получения максимальной прибыли в ближайший период времени. Зачастую ни государство, ни территориальные органы власти не имели реального представления о сложившейся ситуации. Кроме того, достаточно часто значительное влияние на принятие решения оказывал коррупционный фактор.

Исторический опыт развития многих стран свидетельствует, что эффективное развитие территорий в длительной исторической перспективе невозможно без учёта интересов всех акторов, имеющих отношение к данной территории: население, предприниматели, органы власти на региональном и государственном уровнях.

Как верно отмечают в своей статье В. А. Шамахов и Н. М. Межевич, «Стратегия является закономерным результатом попытки совершить революцию в территориальной организации общества, но мирными средствами» [4].

По мнению данных авторов, «пространство по своей сути – это предпосылка формирования специфических форм обитания и жизнедеятельности, но само формирование этой среды всегда выступает как результат взаимодействия пространства и целеполагающей деятельности населения» [4]. Здесь особое внимание необходимо обратить на сделанный авторами акцент: развитие пространства невозможно вне какой-либо деятельности населения, далеко не во всех случаях имеющей объективный характер. Достаточно часто такие решения носит субъективный характер, выражающий желание получить некую выгоду отдельных акторов.

Согласно официальной точке зрения, которую озвучил А. Елин (на тот момент времени врио директора Департамента планирования территориального развития Минэкономразвития), министерству «удалось создать типологию территорий и для каждой (так как регионы России очень различаются между собой) найти подходящий инструментарий развития». Особо оговаривается тот факт, что ко всем регионам нельзя подходить с едиными требованиями и инструментами. Это – главная идея стратегии [5].

Однако принятая Стратегия тут же вызвала достаточно жёсткую критику. Так, было отмечено, что четвёртый раздел Стратегии начинается со следующего пассажа: «Целью пространственного развития Российской Федерации является обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития (выделено авторами) Российской Федерации...» [3; 7], что говорит о явной спешке составителей стратегии. Получается, что целью развития является само развитие, что крайне странно для официального документа. Далее следует набор различных красивых лозунгов, например, «улучшить» и «обеспечить». Однако никаких реальных вариантов их реализации не представлено.

Вызывает удивление и тот факт, что Пермский край и Удмуртская республика войдут в состав Волго-Камского макрорегиона, хотя формально они находятся в составе Приволжского федерального округа. Получается, что федеральные ведомства не могут договориться друг с другом. Хотя необходимо отметить, что оба этих территориальных образования по своей экономической структуре должны относиться к Уральскому региону. Кстати, так и было до того момента, когда в результате жёсткого субъективного решения они не оказались в составе «чужого» по объективным показателям для них округа.

По мнению заведующего кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики, руководителя Центра стратегических исследований МГУ В. Квинта, назвать этот документ стратегией нельзя: «При разработке любой стратегии, но особенно общегосударственного и регионального уровня, должны учитываться три важнейших постулата: любая стратегия может предлагать к реализации только приоритеты, отражающие национальные и региональные интересы, ... они должны быть полностью обеспечены всеми видами трудовых, материальных, финансовых, а также инфраструктурных ресурсов. Принимаются к реализации только те приоритеты, которые обеспечены кон-

курентными преимуществами. Ничего этого нет в стратегии. Я назвал бы представленный документ набором пожеланий, и не всегда полезных для страны и ее субъектов» [6].

Весьма негативно оценили содержание стратегии на страницах журнала «Эксперт» Н. Зубаревич (профессор географического факультета МГУ), Л. Лимонов (генеральный директор АНО МЦСЭИ «Леонтьевский центр») и А. Пузанов (генеральный директор фонда «Институт экономики города») [7].

По словам Леонида Лимонова, в мире развивается планирование именно на уровне агломераций, причём, когда мы говорим «агломерации», подразумеваем не административные границы, а совместные проекты между заинтересованными муниципальными образованиями: «Такой подход называется не стратегическим планированием, а regional design».

Н. Зубаревич подчеркивает: «Российское понимание агломераций не совпадает с мировым. Нужно внимательно анализировать барьеры, препятствующие формированию агломераций. Города в России не обладают достаточной свободой в принятии решений. Они вынуждены конкурировать за федеральные дотации. И пока почти 60 % доходов крупнейших городов составляют трансферы, вы никогда не решите главную проблему – проблему активности местных властей и местного сообщества. И пока есть эта тотальная зависимость, ничего не поменяется. В стратегии ни слова не сказано об этих институциональных барьерах развития» [7].

А. Пузанов отмечает наличие огромного «количества дисбалансов, между центрами и периферией, между различными типами градостроительных территориальных зон. Стратегия должна сформулировать на национальном уровне, чего мы хотим от местного самоуправления, муниципальных образований» [7].

М. Storper выделяет четыре контекста, которые формируют городское экономическое развитие: экономический, институциональный, инновационный и политический. Взаимодействия этих контекстов приводит к успеху в развитии в одних регионах и неудаче в других [8].

М. Storper задался вопросом: Почему уровни личных доходов в десяти округах области залива Сан-Франциско и пяти округах, включающих Лос-Анджелес и прилегающие к нему районы, начали резко расходиться после 1980 г.?

Действительно, в 1980 г. индивидуальная заработная плата наёмных работников в Сан-Франциско была всего на 5,2 % выше, чем в Лос-Анджелесе. Однако к 2010 г. она стала выше более чем на 50 %.

IT-индустрия Сан-Франциско быстро развивалась на протяжении 1980–2010 гг. В тот же период времени доминирующая аэрокосмическая промышленность Лос-Анджелеса, которая выступала в качестве «мотора» развития этой территории, в начале 90-х гг. прошлого века вступила в период быстрого упадка.

В результате рабочая сила, которая занята даже в высокотехнологичном сегменте территориальной экономики Лос-Анджелеса, постепенно оказалась существенно менее квалифицированной, чем в аналогичных производствах в Сан-Франциско.

Интересный факт: на обеих территориях имеется большое количество иммигрантов в составе местной рабочей силы, однако иммигранты в Сан-Франциско значительно более образованны и квалифицированы, чем иммигранты в Лос-Анджелесе.

М. Storper определяет стратегические причины подобного сценария как принципиальные «культурные» различия. Это комплекс постоянно изменяющихся факторов, влияющих на развитие территории. Сюда автор относит деловой климат, идеологию, эпистемологию, политическую и институциональную среду. В конечном итоге различия в этих факторах сыграли преобладающую роль в формировании траекторий развития двух этих территорий [8. Р. 139].

Здесь необходимо обратить внимание на тот факт, что Лос-Анджелес и Сан-Франциско входят в состав одного штата – Калифорния, но речь идёт о двух различных экономических территориях, которые достаточно сильно отличаются друг от друга. Таким образом, можно утверждать, что понятия «региональная экономика», «пространственная экономика», «пространственная локализация» существенно отличаются друг от друга.

В рассмотренном выше примере можно вести речь об экономике отдельно взятого штата (региона), но в то же время на территории этого региона развиваются две достаточно различные пространственные локализации.

В настоящее время вопрос об определении понятий «пространственная экономика» и «пространственная локализация» в российской экономической науке остаётся весьма дискуссионным, что говорит о существовании самых разнообразных их трактовок.

По мнению М. С. Астапенко, можно классифицировать не менее 15 подходов к определению категории «экономическое пространство» [9]. Одна из трактовок принадлежит лауреату Нобелевской премии по экономике П. Кругману: «Абстрактный экономический ландшафт динамического распределения ресурсов в зависимости от конъюнктуры и их местоположения» [10]. Большое внимание данной проблеме уделяется в статье Ю. Г. Лавриковой и А. В. Суворовой, которые подчёркивают: «Можно отметить разнообразие терминов, используемых авторами для обозначения наилучшей формы пространственной организации: в некоторых работах говорится об оптимизации пространства, в других – о повышении его рациональности или эффективности [11; 1019].

Аналогичная ситуация сложилась относительно понятия «пространственная локализация».

Л. Л. Тоньшева и Н. Л. Кузьмина определяют пространственную локализацию как форму межрегиональной экономической интеграции [12].

М. Н. Макарова утверждает, что «пространственная локализация представляет собой сферу деятельности локальности, определяемую как формальными (административно-территориальными), так и неформальными (зоны обслуживания) границами и объединяющую многообразие различных социально-экономических, социально-культурных отношений и взаимодействий в процессе общественного воспроизводства» [13].

М. С. Астапенко даёт следующее определение: «Пространственная локализация – это взаимодействие неравномерно распределённых социально-экономических подсистем, объектов пространственного развития и экономических отношений между ними, в соответствии с едиными в пределах (рамках) этого географического пространства экономическими институтами». И тут же добавляет: «Объектами пространственной экономики выступают как экономические агенты (индивидуум или группа индивидуумов, который (которые) участвуют хотя бы в одном из процессов – производства, обмена, потребления), так и территориальные образования [9]. Тем самым, по сути, ставится знак равенства между двумя этими понятиями.

А. Ю. Небесная отмечает: «Пространственно локализованные системы существуют как сеть взаимозависимых организаций (производственных, инфраструктурных, образовательных, научно-исследовательских), вовлечённых в однотипные или комплементарные процессы на основе разделения и кооперации труда» [14].

G. Garofoli определил набор переменных, которые позволяют охарактеризовать локализованную экономическую систему (систему производства):

а) экономическая структура и производственная организация (т. е. степень специализации/диверсификации местной экономики, размер предприятий, наличие или отсутствие местных производственных связей между фирмами);

б) развивающаяся технологическая система (т. е. способы внедрения и распространения инноваций);

с) рынок труда и производственные отношения (т. е. структура занятости, происхождение работников, профессиональная подготовка);

д) социальные акторы и социальная структура (т. е. местные и внешние фирмы, социальная структура и преобладание прежних производственных отношений, воспроизводство навыков и предпринимательских способностей, культура и нормы управления);

е) структура рынка и формы конкуренции (т. е. рынки сбыта, рыночные формы);

ф) информационная система;

г) регулирующие учреждения [15].

Достаточно интересно и аргументировано излагает различие между региональной и пространственной экономикой Н. М. Сурнина: «Различие между региональной экономикой и пространственной экономикой (spatial economics) берёт начало от фиксирования различий между системами регионов (как дискретными объектами) и пространством (в терминах непрерывности). Результаты подобного сравнения показали, что для настоящего этапа характерна институционализация специфичной деятельности по пространственному развитию, не всегда совпадающей с деятельностью по региональному развитию. Пространственная экономика развивается на территории, уже обладающей определённой экономической целостностью, где происходят взаимосвязанные, взаимообусловленные

процессы. Такая деятельность связана с поиском дополнительных эффектов от совокупности качеств пространства» [17; 22].

Автор данной статьи считает: пространственная локализация – это система размещения производств в регионе (территории) как результат прошлого социально-экономического, политического и институционального развития, определяющая возможные перспективы её изменения в будущем.

Таким образом, при изучении пространственной локализации невозможно обойти стороной политический, институциональный и исторический аспекты развития территории. Рассмотрим процесс формирования и развития пространственной локализации на примере Удмуртской Республики.

Площадь Удмуртии составляет 42 тыс. кв. км. Это 57-е место среди всех российских регионов. До 1917-го г. большая часть Удмуртии входила в состав Вятской губернии. Удмуртская автономная область была образована 4 ноября 1920 г. (до 1 января 1932 года она называлась Вотская автономная область) и просуществовала по 28 декабря 1934 г., затем была преобразована в Удмуртскую АССР. Решение об образовании Удмуртской автономной области связывают с именем Тракая Борисова, который был организатором 1-й Всероссийской конференции коммунистов-вотяков. На конференции было принято решение об организации Вотской автономной области. Для реализации этого решения Т. Борисов добился встречи с В. И. Лениным [17].

Даже этой совсем небольшой информации достаточно вывода о том, что формальное возникновение Удмуртии было политическим решением, которое обуславливалось непростой ситуацией в России, сложившейся в тот период времени.

А что было раньше? Можно ли вести речь о наличии пространственной локализации данной территории в более ранние исторические отрезки времени?

До середины XVIII в. территория Удмуртии с точки зрения наличия каких-то производств была абсолютно аграрной, промышленные предприятия отсутствовали в принципе. Данная ситуация была характерной для всей экономики Российской империи. Промышленные производства были исключением из правила. Здесь можно упомянуть Тульские и Олонекские заводы, которые ведут свою историю с XVI в., а также Уральские заводы, развитие которых связано с императором Петром I. Началом истории горнозаводского Урала считается январь 1697 г., когда верхотурский воевода Д. М. Протасьев сообщил в Москву о находке железной руды на реках Тагил и Нейва. 10 мая и 15 июня 1697 г. были изданы указы о строительстве первых уральских заводов. А датой рождения уральской металлургии считается 1701 год, когда были запущены и дали первый чугун доменные заводы [18. С. 288].

В 1703 г. Пётр I подписывает указ о приписных крестьянах. Это была категория крестьян, которые работали на мануфактурах вместо оплаты подушного оброка. На них распространялся запрет на продажу и покупку. В 1720 г. был издан указ, разрешающий купцам и дворянам, которые были собственниками промышленных предприятий, приобретать сёла. Люди, которые там проживали, должны были выполнять различные виды работ. Они прикреплялись к этим предприятиям, так что хозяин фабрики не мог их продать либо заложить отдельно от промышленного производства [19].

На территории Удмуртии ситуация стала изменяться только в середине XVIII в. Согласно указу Сената от 20 октября 1757 г., граф П.И. Шувалов получил право основать два железодобывающих завода на реках Иж и Вотка. Именно эти два завода принципиально изменили пространственную локализацию производств на территории Удмуртии. Крестьяне окрестных деревень выступали в качестве основной рабочей силы на этих заводах. Естественно, что говорить о каком-то наёмном труде здесь не приходится. Имела место феодальная по своей сути система отношений между работодателем (он же собственник) и работником.

Однако следует признать, что для середины XVIII в. эта модель отношений была достаточно эффективной, что позволяло получать весьма высокую прибыль при больших объёмах производства. Известный советский историк Н. Я. Эйдельман писал по этому поводу, что Россия «со своими 10 млн. ежегодных пудов (155 тыс. тонн) выходит к 1800 г. на первое место в мире, и гениально созданная, кнутом (выделено авторами) погоняемая телега несётся пока что быстрее английского паровичка» [20. С. 33].

Территориальная локализация претерпела некоторые изменения в начале XIX в., когда в силу постоянно усложнявшейся внешнеполитической ситуации было принято решение о строительстве нового оружейного завода на востоке России. После сравнения нескольких вариантов размещения будущего завода был сделан окончательный выбор: оружейный завод создавался на базе существо-

вавшего железодельного завода на реке Иж. По этой причине 28 октября 1808 г. Ижевский железодельный завод был передан в ведение Военного министерства.

Это позволило к началу Отечественной войны 1812 г. наладить на заводе серийный выпуск холодного и стрелкового оружия для русской армии. В период 1812–1814 гг. было произведено 23927 ружей и 8536 штук тесаков, что составляло 11 и 16 % от всего объёма отечественного производства огнестрельного оружия [21; 54-55]. Всего за первые полвека работы Ижевского завода было произведено 672308 кремнёвых ружей и пистолетов, 226 602 ударных ружья и пистолета, 58 262 нарезных ружья, множество холодного оружия [22]. Со дня своего основания и до 1866 г. на заводе было изготовлено около 1 млн. ружей, что составляет 33 % всей продукции оружейных заводов России [23].

Итогом этих политических решений, вызванных внешними угрозами, стало то, что на территории современной Удмуртии начинает развиваться военное производство. Ситуация не изменилась ни в XX, ни в XXI веке. В данном случае изменение пространственной локализации промышленного производства на конкретной территории было обусловлено развитием политической ситуации и её оценкой со стороны тех лиц, которые определяли стратегию экономического развития страны.

Если рассматривать последствия данного решения, то они оказали долгосрочное стратегическое влияние на формирование и последующие изменения пространственной локализации промышленного производства. Здесь необходимо упомянуть тот факт, что даже производство гражданской продукции (мотоциклов и легковых автомобилей) осуществлялось

Едиственное принципиальное изменение, о котором можно вести речь – это открытие на территории Удмуртии нефтяных месторождений. Нефть начали искать в Удмуртии ещё в 1945 г. сразу по окончании Второй мировой войны. В 1955 г. было открыто первое месторождение нефти – Вятское. Затем были открыты ещё несколько крупных месторождений: Архангельское и Чутырско-Киенгопское (1962 г.), Гремихинское (1964 г.), Красногорское и Мишкинское (1966 г.), Лудошорское (1970 г.) [24].

Первая промышленная нефть в Удмуртии была получена 4 октября 1969 года. Начальные запасы, оцениваемые в 900 млн. тонн, выработаны на 40,6 %. На территории Удмуртии открыто 118 месторождений, из них более 70 находится в разработке. С 2005 г. добыча стабильно превышает 10 млн. тонн в год. В 2013 г. был достигнут максимальный уровень добычи нефти – 10,5 млн. тонн. Добывая 2 % суммарной российской нефти, Удмуртия занимает 13-е место по данному показателю среди регионов страны [25].

Естественно, что всё это привело к значительным изменениям пространственной локализации экономики Удмуртской Республики. В данном случае необходимо вести речь об объективных предпосылках изменений. В то же время нельзя не упомянуть тот факт, что этому способствовал военный и политический кризис, ставший результатом Войны Судного дня (6–23 октября 1973 г.), когда Египет и Сирия попробовали вернуть свои территории, утерянные по время Шестидневной войны (5–10 июня 1967 года).

Уже 8 октября 1973 г. в Вене были прерваны переговоры по цене нефти между арабской организацией стран-экспортёров и основными потребителями. В результате через восемь дней цены на нефть взлетают до 7,15 долларов за баррель, хотя в течение шестидесятых годов они держались на уровне 3-4 доллара за баррель. На АЗС США и стран Западной Европы выстроились многокилометровые очереди, ряд стран ввёл ограничения на суточное потребление бензина личным автотранспортом. Автомобильная промышленность среагировала практически мгновенно и предложила рынку городские малолитражки вместо роскошных, но прожорливых лимузинов, пользовавшихся спросом в 50-60-е годы. Этой ситуацией решили воспользоваться в СССР. Следует признать, что результаты были впечатляющими: доходы от экспорта нефти достигали \$ 200 млрд. в год [26].

Таким образом, и здесь нельзя отрицать стратегическую роль политического фактора на развитие пространственной локализации конкретной территории.

Подводя итоги, следует признать объективную реальность влияния трёх факторов на формирование и развитие пространственной локализации территории: исторический (социально-экономический), политический и институциональный. Значение этих факторов может быть различным в зависимости от конкретной ситуации в данный момент времени. В некоторых случаях бывает крайне сложно точно определить, какой из этих факторов начинает играть определяющую роль в развитии ситуации, определяя тем самым вектор развития территории на какую-то перспективу. Эти процессы могут продолжаться достаточно длительные периоды времени. В некоторых случаях можно вести речь о десятилетиях. Поэтому так велика роль любого управленческого решения, связанного с развитием страны и территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рейтинг регионов по доходам населения. – 2021. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20210706/630203876.html> (дата обращения: 01.02.2022).
2. Рейтинг регионов по доходам населения. – 2020. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20200707/630174723.html> (дата обращения: 01.02.2022).
3. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. – URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 01.02.2022).
4. Шамахов, В. А. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: экономические возможности и управленческие ограничения / В. А. Шамахов, Н. М. Межевич // Управленческое консультирование. – 2019. – №4. – С. 19–27.
5. Елин, А. Что даст стратегия пространственного развития регионам и городам? – URL: <https://gosmetod.ru/article/377828/> (дата обращения: 02.02.2022).
6. Территория полуприцепов. Нужна ли России стратегия пространственного развития? – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3908584> (дата обращения: 02.02.2022).
7. Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года — это оксюморон. – URL: <https://urbanecomics.ru/centr-obshchestvennyh-svyazey/news/strategiya-prostranstvennogo-razvitiya-rf-na-period-do-2025-goda> (дата обращения: 02.02.2022).
8. Storper, M. Keys to the City: How Economics, Institutions, Social Interaction, and Politics Shape Development. – Princeton: Princeton University Press, 2013.
9. Астапенко, М. С. Теории и концепции пространственной экономики: сущностные аспекты и эволюция подходов // Вестник Евразийской науки. – 2018. – Т. 10, № 1. – URL: <https://esj.today/50ECVN118.html> (дата обращения: 03.02.2022).
10. Krugman, P. Complex Landscapes in Economic Geography // American Economic Association // Papers and Proceedings. – 1994. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2117869> (дата обращения: 03.02.2022).
11. Лаврикова, Ю. Г. Оптимальная пространственная организация экономики региона: поиск параметров и зависимостей / Ю. Г. Лаврикова, А. В. Суворова // Экономика региона. – 2020. – Т. 16., вып. 4. – С. 1017–1030.
12. Тоньшева, Л. Л. Пространственная локализация бизнеса корпоративных структур – субъектов продовольственного рынка / Л. Л. Тоньшева, Н. Л. Кузьмина // Российское предпринимательство. – 2016. – Т. 17, № 9. – С. 1093–1104.
13. Макарова, М. Н. Формирование мониторинга социально-трудовых систем муниципальных образований с учетом их пространственной локализации: автореф. дис. ... канд. Экон. наук / М. Н. Макарова. – URL: http://emsu.ru/face/dissert/avtoreferat_makarovamn.pdf (дата обращения: 03.02.2022).
14. Небесная, А. Ю. Формирование пространственно локализованных экономических систем в малолесных регионах: кластерный подход: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / А. Ю. Небесная. – URL: <http://disser.tsutmb.ru/uploaddocuments/dissertacii/nebesnaya.pdf> (дата обращения: 03.02.2022).
15. Garofoli, G. Economic development, organization of production and territory / G. Garofoli // Revue d'économie industrielle. – 1993. – Vol. 64. – P. 22–37. – URL: https://www.persee.fr/doc/rei_0154-3229_1993_num_64_1_1475 (дата обращения: 03.02.2022).
16. Сурнина, Н. М. Пространственная экономика: теоретико-методологическое и научно-практическое исследование: автореф. дис. ... докт. экон. наук / Н. М. Сурнина. – URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002616236.pdf (дата обращения: 05.02.2022).
17. Удмуртская Республика: энциклопедия / гл. ред. В. В. Туганаев. – 2-е изд., испр. и доп. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – 768 с.
18. Гаврилов, Д. В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: избранные труды / Д. В. Гаврилов. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005.
19. Приписные крестьяне – определение, обязательства и отличия от посессионных. – URL: <https://nauka.club/istoriya/pripisnye-krestyane.html> (дата обращения: 05.02.2022).
20. Эйдельман, Н. Я. Грань веков / Н. Я. Эйдельман. – Москва: ВАГРИУС, 2004. – 464 с.
21. Военная история Урала: события и люди / под общ. ред. А. В. Сперанского. – Екатеринбург: Сократ, 2015. – 320 с.
22. Два столетия верности оружию. – URL: <https://rostec.ru/news/1450/> (дата обращения: 08.02.2022).
23. Металлургические заводы Урала XVII – XX вв.: энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – 536 с.
24. Черное «золото» Удмуртии. – URL: www.udmurt.media/rubrics/obshchestvo/92953-chnoe_zoloto_udmurtii_kak_v_respublike_dobuyayut_neft/ (дата обращения: 08.02.2022).
25. URL: <http://www.ngv.ru/magazines/article/neft-udmurtii/> (дата обращения: 08.02.2022).
26. Нефтяной кризис 1973 года: как он сделал жизнь в СССР счастливой. – URL: <http://www.finance.rambler.ru/markets/41523924-neftyanoy-krizis-1973-goda-kak-on-sdelal-zhizn-v-sssr-schastlivoy/> (дата обращения: 08.02.2022).

Матвеев Владимир Валентинович, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Удмуртский филиал Института экономики УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б
E-mail: mtv956@yandex.ru

V.V. Matveev

SPATIAL LOCALIZATION OF PRODUCTION SYSTEMS AS A RESULT OF SOCIO-POLITICAL AND INSTITUTIONAL DEVELOPMENT

DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-2-237-244

The article is devoted to the consideration of a strategically important problem for the development of regions and territories: the spatial localization of production systems. This is very important for the reason that the effective and progressive development of the national economy is impossible if the socio-economic situation in the regions does not meet the modern requirements of a competitive economy. Modern Russia is characterized by huge differences in the level of development between the leading and outsider regions. It should be noted that the concepts of "regional economy" and "spatial localization" are not identical. This is explained by the fact that several spatial localizations can be located in one region. This problem has been of interest to economists for a long time. However, there is no single point of view on the content of the concept of "spatial localization". Quite often, authors interpret the concepts of "spatial economy" and "spatial localization" in the same way. As often happens in the social sciences, there are many interpretations of these concepts. Thus, there are fifteen different interpretations of the concept of "spatial economics", one of which belongs to the Nobel Prize winner in economics Paul Krugman, which confirms the relevance of this research topic. The authors substantiate their own definition of the concept of "spatial localization". It is proved that this is a system of production location as a result of the past socio-economic, political and institutional development of the territory, which determines the possible prospects for its change in the future. As an example, the development of the Udmurt Republic is considered, the economy of which is a typical example of the spatial localization of the industrial territories of the Urals.

Keywords: economy, region, territory, spatial economy, spatial localization, production system, politics, institutions, actors of economic and political processes.

Received 14.02.2022

Matveev V.V., Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher
Udmurt Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Lomonosova st., 4B, Izhevsk, Russia, 426004
E-mail: mtv956@yandex.ru